

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИННОУГОРСКИХ НАРОДОВ В СССР

(По поводу одной научной конференции)

1

В конце января и начале февраля 1947 г. при Ленинградском ордена Ленина Государственном Университете состоялась конференция по изучению финноугорских народов, на которой были заслушаны 54 доклада, в большинстве случаев специально языковедческих, но частично также исторических, археологических и этнографических. 25 докладов опубликованы в отдельном выпуске Ученых записок ЛГУ¹, остальные должны быть напечатаны в последующих томах той же серии.

Официальное название этой конференции «Всесоюзная научная конференция по вопросам финноугорской филологии (в связи с вопросами истории и этнографии финноугорских народов)»². Таким образом, по мысли организаторов совещания (чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха, проф. В. И. Цинциус и доц. А. И. Попова) финноугроведение выступает в качестве особой комплексной дисциплины, в создании которой принимают участие филологи, историки, археологи, этнографы и представители других смежных отраслей знания. В предисловии к рецензируемой книге финноугроведение так прямо и рассматривается как «новая советская научная дисциплина»³.

Трудно согласиться с таким подходом к изучению финноугорских народов. Народы эти, расселившиеся на огромной территории от Балтики и Дуная до Обь-Енисейского водораздела, никогда не представляли единого этнического и культурного целого и были исторически гораздо более связаны с соседними «иноязычными» группами, чем между собой. Этнографически венгров нельзя оторвать от придунайских славян; балтийских финнов — от литовцев и северных великоруссов; мари, мордву и удмуртов — от тюркских народов Волго-Камья; обских угров — от их самодийских и татарских соседей. Даже чисто лингвистические различия между отдельными группами финноугров крайне глубоки. По словам самого Д. В. Бубриха, «...финноугорские языки в современном своем состоянии очень далеки друг от друга, так что древние общности в них вскрываются только средствами научного исследования. Различия между ними неизмеримо больше, чем, например, между тюркскими языками, и вряд ли особенно меньше, например, между индоевропейскими языками»⁴. Попытка создания комплексной финноугроведческой дисциплины при таких условиях неизбежно приведет к искусственному ограничению финноугров от соседних народов (прежде всего от восточных славян) и к представлению о некоей мнимой финноугорской этнокультурной общности, в действительности никогда не существовавшей. От советских специалистов в области финноугорского языкознания мы вправе требовать ясного ответа на вопрос о задачах изучения финноугорских народов, говорящих на отдаленно сходных языках, но резко различных по своему происхождению, по своим историческим связям, по всем особенностям культуры и быта. Ответ этот может быть только один: финноугроведение — чисто лингвистическая дисциплина, изучающая языки финноугорских народов в их становлении, дальнейшем развитии и взаимодействии с языками других систем. Комплексное финноугроведение — научная фикция. Этнографически (а также археологически и

¹ «Советское финноугроведение», 1, Ленинградский ордена Ленина Государственный Университет, Ученые записки, Серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948, 329 стр.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 29.

антропологически) финноугры должны изучаться по отдельным историко-географическим группам (дунайской, прибалтийской, волго-камской, обской) в тесной связи с соседними народами тех же территорий.

Не случайно, конечно, среди историко-этнографических статей, помещенных в рецензируемом сборнике, нет почти ни одной, где говорилось бы обо всех финноугорских народах. Доклад проф. В. В. Мавродина, хотя и носит заглавие «Русско-многонациональное государство и финноугорские народы», но касается только взаимоотношений между русскими и народами Волго-Камья и, отчасти, Приобья⁵. Напротив, статья проф. А. Я. Брюсова («Заселение севера европейской части СССР по археологическим данным») посвящена археологии Беломорско-Балтийской области и совсем не затрагивает вопросов заселения Волго-Камья и Обского бассейна⁶. В работах чл.-корр. АН С. В. Бахрушина и А. И. Мурзина⁷ освещаются отдельные проблемы истории хантов, манси, ненцев и элькупов⁷. Только чл.-корр. АН Д. К. Зеленин выступил на конференции с сообщением, в котором сделана попытка выделить общие элементы в костюмах русских и всех финских народов. Попытку эту, как увидим ниже, никак нельзя, однако, считать удачной⁸. Таким образом, само содержание конкретных работ советских историков по финноугорским народам еще раз подчеркивает невозможность построения комплексного финноугроведения. При чтении этих работ сразу бросается в глаза резкий контраст в исторических судьбах финноугорских и соседних с ними славянских народов, которые на всем протяжении их истории сохраняли не только значительную языковую близость, но и тесные этнические и культурные связи, а также непрерывность территории расселения. Создание комплексной науки «славяноведения» исторически полностью оправдано; про «финноугроведение» этого сказать никак нельзя.

2

В нашу задачу не может входить детальный разбор всех докладов в сборнике «Советское финноугроведение». Предоставляя специалистам судить о лингвистических статьях, остановимся только на тех работах, которые имеют наибольший историко-этнографический интерес.

Сборник открывается короткой, но очень содержательной статьей акад. И. И. Мещанинова «Новое учение о языке на современном этапе развития»⁹. Статья эта недавно вышедшая отдельным изданием (Л., 1948), с финноугорской филологией непосредственно не связана, но имеет, как справедливо отмечено в сборнике¹⁰, установочный характер, давая яркое представление о методологической базе и главнейших конкретных достижениях советского языковедения. Развивая и углубляя основные положения, выдвинутые в свое время акад. Н. Я. Марром, И. И. Мещанинов особо подчеркивает необходимость исторического подхода к изучаемым языковым явлениям. «Все явления языка,— пишет он,— имеют свое историческое обоснование. Они — продукт истории, пережитой человеческим обществом. Поэтому язык, по своей социальной природе, подчиняется законам исторического движения, выявляя моменты диалектического хода развития. Языковой процесс протекает эволюционно и трансформационно»¹¹. Для этнографа большой интерес представляет последовательно проводимая И. И. Мещаниновым мысль о связи развития конкретных языков с территориально-этническими группами человечества, сменяющимися друг друга на протяжении всей истории общества. Из языков отдельных племен в процессе скрещения образуются языки племенных объединений, которые в свою очередь трансформируются в дальнейшем в языки народностей, в затем и национальностей¹².

Установочный характер должна иметь и следующая статья сборника, принадлежащая чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриху и озаглавленная «Советское финноугорское языковедение»¹³. К сожалению, многие основные положения этой статьи вызывают у читателя полное недоумение. По мнению автора, «так как древние финноугры представляли собой значительное количество развивающихся в контакте родов, то и древняя финноугорская речь представляла собой значительное количество развивающихся в контакте родовых диалектов»¹⁴. В другом месте Д. В. Бубрих пишет уже не о первоначальных родовых диалектах, а о «финноугорских родовых языках»¹⁵.

⁵ «Сов. финноугроведение», I, стр. 33—46.

⁶ Там же, стр. 91—102.

⁷ С. В. Бахрушин, Основные линии истории обских угров, «Сов. финноугроведение», I, стр. 257—287; А. И. Мурзина, К вопросу о социальном строе народов северо-западной Сибири в первой половине XIX в., там же, стр. 288—300.

⁸ Д. К. Зеленин, Общие элементы в древних финских и русских костюмах, там же, стр. 81—90.

⁹ «Сов. финноугроведение», I, стр. 9—23.

¹⁰ Там же, стр. 7.

¹¹ «Сов. финноугроведение», I, стр. 13.

¹² Там же, стр. 16—17.

¹³ Там же, стр. 24—32.

¹⁴ Там же, стр. 30.

¹⁵ Там же (упмянуты дважды).

Еще Морганом и Энгельсом твердо установлено, что древнейшие роды с самого начала формируются как экзогамные группы. «Никто из членов рода,— подчеркивает Энгельс,— не может брать жену внутри рода. Таково основное правило рода, та связь, которая его скрепляет»¹⁶. «Первоначальные роды, на которые сперва распалось племя»¹⁷, в дальнейшем трансформируются во фратрии, в свою очередь делящиеся на несколько самостоятельных родов. Как экзогамная группа род ни когда не мог быть самодовлеющей, замкнутой социальной ячейкой, не мог он, очевидно, иметь и особого родового диалекта или, тем более, языка. Особый диалект — один из основных признаков племени, а отнюдь не рода. «В действительности племя и диалект по существу совпадают»¹⁸. Конкретные этнографические материалы полностью подтверждают эти основные положения Энгельса: на всем земном шаре среди первобытно-общинных групп, например, среди австралийцев меланезийцев, американских индейцев, негров Африки и других, диалекты характерны, как правило, для отдельных племен, самостоятельные языки — для более крупных племенных группировок, связанных общностью происхождения. Особых родовых диалектов или, тем более, языков среди современных народов мы не знаем; нет никаких оснований предполагать, что подобные диалекты существовали когда-либо в прошлом. Таким образом утверждение Д. В. Бубриха о формировании финноугорских языков на основе древних «родовых диалектов» находится в полном противоречии как со взглядами Моргана и Энгельса, так и с фактическими данными этнографии.

«Родовыми диалектами» не ограничиваются спорные или неясные места в разбираемой статье Д. В. Бубриха. Крупным ее недостатком является и крайне абстрактное, лишенное исторической и географической конкретности изложение самого процесса формирования финноугорских языков. В какую эпоху, на какой территории, в силу каких исторических причин происходило складывание этих языков? Ответа на поставленные вопросы Д. В. Бубрих не дает. Правда, мы узнаем из его статьи, что формирование финноугорской речи «происходило на некоторой ограниченной, но вряд ли малой территории»¹⁹, что «финноугорская речь напоминала отчасти волну, распространившуюся с определенными формами охотничье-рыболовной культуры»²⁰, что «некоторые древние финноугорские родовые языки (? — Н. Ч.) при особых условиях сливались»²¹, и т. д. Но ведь все эти «некоторые», «определенные» и «особые» явления происходили при формировании любых языковых групп северной лесной или тундровой зоны, например, тунгусских, самодийских, эскимосских, атапасских и многих других. Единственное конкретное указание на связь древних финноугорских племен с охотничье-рыболовной культурой сомнительно, так как археологические данные позволяют предполагать, что многие финские народности (например, эсты, мордва, мари, удмурты, коми) формировались во второй половине I тысячелетия н. э. среди населения, давно уже знакомого с земледелием и скотоводством²².

Д. В. Бубрих очень глухо упоминает о том, что область формирования финноугорских народов был «север»²³, но нигде не расширяет этого, очень расплывчатого понятия. О каком «севере» идет речь? Прибалтийском, уральском, восточно-европейском вообще? Или, быть может, алтайском? Неужели советская наука не в состоянии точнее определить место, время и историческую обстановку формирования финноугорских языков? Мы этого не думаем. Полагаем, что не думает этого и Д. В. Бубрих, обогативший советскую лингвистику многими ценными конкретными работами в области финноугорской филологии. Нам более досадно, что в установочной статье не использованы данные этих конкретных работ, почему-то замененные построениями о формировании финноугорских языков на каком-то неопределенном «севере», лишенном реальной исторической и географической локализации.

3

За рассмотренной работой Д. В. Бубриха в рецензируемом сборнике следует третья установочная статья: уже упомянутый доклад проф. В. В. Мавродина²⁴. По свидетельству самого автора, этот доклад является не результатом специального исследования, а лишь постановкой вопроса²⁵, цель которой «обратить внима-

¹⁶ Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Партиздат, 1937, стр. 113.

¹⁷ Там же, стр. 116, 117.

¹⁸ Там же, стр. 120; ср. также у Л. Г. Моргана, «Первобытное общество», СПб., 1900, стр. 61—73, 111—112.

¹⁹ «Сов. финноугроведение», I, стр. 30.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² См., например, статью А. П. Смирнова, Прикамье в первом тысячелетии н. э. (Труды Исторического музея, вып. VIII, 1938, стр. 129—168).

²³ «Сов. финноугроведение», I, стр. 31.

²⁴ См. выше, примечание 5.

²⁵ «Сов. финноугроведение», I, стр. 33.

ние... на некоторые особенности взаимных связей великорусского народа и народов финноугорских в период складывания русского централизованного государства»²⁶. Автор подробно останавливается как на положительных, так и на отрицательных последствиях русской колонизации Волго-Камья и северо-западной Сибири, отмечая, что экономический и культурный контакт с русским народом привел к коренной перестройке всего хозяйства и быта финноугорского населения окраин Московского государства, ускорив разложение родовых отношений, сломав первобытную этническую изолированность, вызвав *имущественное* и социальное расслоение²⁷. Конкретные данные, приведенные В. В. Мавродиным, хорошо согласуются с его основным выводом о том, что «присоединение к России и русская колонизация земель Востока, населенных финноуграми, способствовали подъему производительных сил Поволжья, Приуралья и Сибири и росту культуры их народов»²⁸.

К сожалению, в статье В. В. Мавродина встречаются неточности, а иногда и фактические ошибки. Так, например, на стр. 34 упоминается о том, что «еще во времена Дмитрия Донского в земле коми-пермяков появились московские рати и действовал знаменитый Стефан Пермский»²⁹. В действительности московские походы в Пермь Великую (т. е. в землю коми-пермяков) относятся ко времени княжения Ивана III, а Стефан Пермский среди пермяков никогда не был: вся его миссионерская деятельность протекала среди коми-зырян, живших в бассейне Вычегды. Неопытно, кстати, на каком основании В. В. Мавродин отождествляет этих зырян с «чуждою заволочской» наших летописей³⁰. Грубой ошибкой (или неисправленной опечаткой) является наименование хантов вогулами, а манси — остяками³¹. Напрасно также утверждение, ходивший в 1465 г. в Югорскую землю, назван «Срябой»³²: настоящее его имя было «Скряба».

К числу помещенных в сборнике статей на общепермские темы относится также большая работа Д. В. Бубриха «Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР»³³. Оценка лингвистического значения этой работы лежит вне нашей компетенции. Характерно все же, что в ней не только не использованы конкретные исследования акад. Н. Я. Марра по финноугорским языкам, но даже не упомянуто его имя. Впрочем, игнорирование трудов Марра (при декларативном признании основных положений нового учения о языке) типично и для всех других языковедческих статей, опубликованных в «Советском финноугроведении» (кроме вводного доклада И. И. Мещанинова). Нельзя же, в самом деле, считать развитием концепции великого ученого замену пресловутого «праязыка» не менее фиктивной совокупностью «родовых диалектов». По мнению Д. В. Бубриха «раздельность» этих диалектов происходила из «раздельности обществ, которые ими пользовались, — родов»³⁴. Но ведь «раздельные» роды не могли бы существовать больше одного поколения. Каким же образом они стали источником формирования целой языковой системы (в данном случае финноугорской)?

Советские историки и этнографы, не обладающие специальной лингвистической подготовкой, но работающие в сфере своих дисциплин по изучению финноугорских народов, вправе обратиться к языковедам с вопросом: как они относятся к богатейшему научному наследству Н. Я. Марра в той его части, которая непосредственно касается древнейших глотто- и этногонических связей между ныне разрозненным населением Восточной Европы и яфетидами Кавказа и Средиземноморья? Разве потеряли свое реальное значение работы Н. Я. Марра о яфетическом пласте в индоевропейских и финноугорских языках, об общих элементах в языках народов Волго-Камья и Кавказа, о широком распространении среди них аналогичных этнонимов, о скифско-финских и скифско-угорских лингвистических корреспонденциях, о преемственности между северными племенами, упоминаемыми Геродотом в V в. до н. э., и позднейшими этническими группировками вплоть до современных коми и удмуртов, мари и мордвы? ³⁵ Почему эти построения гениального ученого разрабатываются историками, археологами, этнографами и антропологами, но почти не находят продолжения в конкретных трудах специалистов по финноугорской филологии? Не пора ли в свете нового учения о языке пересмотреть традиционные представления об иранских, балтийских и германских заимствованиях в финноугорских языках? Можно ли, например, следуя за Томсееном и Карстеном считать (как это делает Д. В. Бубрих) германскими по происхождению все западнофинские термины, «относящиеся к мореходству, к торговле, к военному делу и вооружению, к развивающим-

²⁶ Там же.

²⁷ «Сов. финноугроведение», I, стр. 43.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 34.

³⁰ Там же, стр. 35.

³¹ Там же, стр. 36.

³² Там же.

³³ «Сов. финноугроведение», I, стр. 47—80.

³⁴ Там же, стр. 48.

³⁵ Н. Я. Марр, Избранные работы, V. Этно- и глоттогония Восточной Европы, М.—Л., 1935.

ся военно-демократическим порядкам»³⁶? Неужели финские народы Прибалтики механически заимствовали с Запада большинство понятий, относящихся к такому важному периоду их исторического развития, как переход от варварства к цивилизации, от доклассового к классовому обществу? Уместно вспомнить, в данной связи, что в свое время Д. В. Бубрих отрицал участие карельского народа в создании рун Калевалы, считая их чисто финским эпосом, к тому же насыщенным германскими заимствованиями и даже возникшим в среде, которая «изобиловала выходцами из Скандинавии»³⁷.

Не приходится сомневаться, что успехи советского финноугроведения могли быть более значительными, если бы его руководящие представители дали на всесоюзной научной конференции развернутые ответы на вышеуказанные, назревшие и животрепещущие вопросы, на деле пересмотрев свои старые методологические позиции и не тратя дорогого времени на абстрактно социологизаторские рассуждения о родовых языках и их мнимом контакте.

4

Внимание этнографа в рецензируемом сборнике естественно привлекает статья Д. К. Зеленина об общих элементах в древних русских и финских костюмах³⁸. Элементы эти, по мнению автора, «могли оказываться сходными не в силу заимствования их финнами от русских, а в силу широкого движения мод или в силу конвергенции»³⁹. Таким образом, Д. К. Зеленин противопоставляет моду заимствованиям. «Сторонники заимствований,— пишет он,— не учитывают, что новые костюмы распространяются в массах по законам моды»⁴⁰. Напрасно, однако, мы стали бы искать в статье Д. К. Зеленина ответа на вопрос: в чем же различие между заимствованием и «широким движением моды»? Всякая мода — и нынешняя, и старинная — не возникала, конечно, вне времени и пространства; она складывалась в определенном месте, большей частью среди определенной, ограниченной социальной группы одного народа (например, среди французской аристократии в Париже) и оттуда распространялась постепенно от одной страны к другой, часто охватывая огромные территории с разнообразным в этническом отношении населением. Можно рассматривать моду как один из видов заимствования, но противопоставлять их друг другу прямо-таки абсурдно. Сводить к моде все общие элементы костюма русских и финнов — значит упрощать сложные исторические процессы культурного взаимодействия между ними, значит обеднять высокую и разнообразную культуру народов Восточной Европы, отказывать им в этнической самобытности и специфичности.

Яркие примеры сомнительных выводов, к которым приводит слепое увлечение «модой», можно почерпнуть из той же статьи Зеленина. К удивлению читателя оказывается, что почти все элементы костюма, общие русским и финнам — кроме развившихся конвергентно, — получены теми и другими с запада. Д. К. Зеленин прямо так и пишет: «этнографами лучше всего изучены передвижения с запада на восток...»⁴¹. «С запада пришла новая мода на головные уборы в виде птицы — с крыльями и хвостом»⁴². «Мода на шушпан — жулан пересекла всю Европу, прошла от Пиренейского полуострова до мордвы на востоке Европы»⁴³. Само название «шушпан» восходит, по Зеленину, к арабскому слову джюббах, заимствованному европейцами от испанских мавров⁴⁴. С западными средневековыми модами связывает Д. К. Зеленин и рогатые головные уборы, носившиеся в XIV столетии западноевропейскими королевами⁴⁵. Прототипом конусовидных однорогих уборов он считает, следуя за Хаберландтом⁴⁶, знаменитую фригийскую шапку⁴⁷. К средневековым европейским модом восходят, по Зеленину, и прорезные рукава удмуртского шоддрема⁴⁸.

Некоторые общие формы русских и финских костюмов Зеленин объясняет конвергенцией. Конвергентными, по его мнению, являются украшения типа «пушков» при серьгах, различные несшитые поясные и, отчасти, наплечные одежды, сходные с южновеликорусской полёвой, обычай многократного обертывания онучами ног для придания им большей толщины, приемы ношения мужской рубахи навыпуск, обычай

³⁶ Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, Петрозаводск, 1947, стр. 13.

³⁷ Д. В. Бубрих, Из истории «Калевалы» (вступительная статья к «Калевале», изд. «Academia», М.—Л., 1933), стр. XIV, Ср. также примечания того же автора, помещенные в конце книги (стр. 311—323).

³⁸ «Сов. финноугроведение», I, стр. 81—90.

³⁹ Там же, стр. 90.

⁴⁰ Там же, стр. 82.

⁴¹ Там же, стр. 82.

⁴² Там же, стр. 83.

⁴³ Там же, стр. 86.

⁴⁴ Там же, стр. 85.

⁴⁵ Там же, стр. 82.

⁴⁶ A. Haberlandt, Der Hornrutz, «Slavia», II, 1924, стр. 680—717.

⁴⁷ «Сов. финноугроведение», стр. 83.

⁴⁸ Там же, стр. 86.

не брить бороду⁴⁹. Простой перечень этих «конвергентных» явлений показывает, что здесь смешаны формы и убранства различного происхождения и значения, от крайне обобщенных действительно «общечеловеческих» элементов (несшитая поясная одежда в о о б щ е, ношение бороды) до специфических типов костюма, имеющих вполне определенную этнографическую локализацию (пушки, рубаха навыпуск). В то же время совершенно не учтено локальное разнообразие форм поясной одежды (поясёва, плахта, зпасака, хурстут и др.), безусловно связанное с определенными восточноевропейскими очагами возникновения и распространения. Конвергенция культурно-бытовых явлений, не приуроченная к известной ступени социально-экономического развития, теряет всякое реальное историческое содержание, неизбежно превращается в беспредметный «космополитизм», который у Зеленина причудливо (но, по существу закономерно) сочетается с некритическим отношением к теориям западного происхождения многих важных элементов культуры восточнославянских и финских народов.

В действительности это «этнографическое низкопоклонство перед Западом» не имеет под собой никаких реальных исторических оснований. Не выдерживают критики и отдельные домыслы Зеленина о западных заимствованиях. Утверждение о приходе с Запада птицеобразных головных уборов типа сороки совершенно голословно. Сорока широко распространена у южных великоруссов, у некоторых групп мари, мордвы и коми-пермяков; следы ее нащупываются и у северных великоруссов. Очень правдоподобна мысль Н. И. Лебедевой о местном, восточноевропейском, происхождении сороки путем видоизменения более архаичного головного убора типа повязки из прямоугольного куска ткани с двумя широкими завязками («крылышками») по бокам⁵⁰. Во всяком случае сорока является одним из характерных элементов костюма, связывающих южных великоруссов с финнами Волго-Камья и позволяющих говорить о наличии у тех и других общего культурного пласта, несводимого только к поздним заимствованиям и уж, во всяком случае, к распространению западноевропейских мод⁵¹.

Никакого отношения к этим модам не имеют, конечно, и высокие конусообразные головные уборы с твердой основой типа мордовской панги, марийской шурки или удмуртского айшо́на. Ближайшие аналогии этим уборам встречаются, в первую очередь, у народов Средней и Центральной Азии («саукеле» казахов, средневековые уборы монголов, описанные Плано Карпини, и др.). К тому же кругу форм могут быть отнесены также отдельные виды русского кокошника и близкие к ним высокие «шапки» болгарских женщин. Можно вполне согласиться с В. Н. Белицер, проследившей эти аналогии, в том, что высокие уборы типа айшо́на — панги связаны «в своем происхождении с древними культурами Причерноморья скифо-сарматской эпохи (а может быть и еще более ранними)»⁵². Не исключена возможность, что из Причерноморья уборы эти проникли не только в Волго-Камье, но и далеко на запад, где сами стали источником формирования средневековых европейских мод.

Лишены основания и рассуждения Д. К. Зеленина о западном (мавриганском?) происхождении верхней распашной одежды типа южновеликорусского шушпана, мордовских ружи и покая, марийского шовыра, удмуртского шōддэрема или чувашского шобра. Все эти формы, в недавнем прошлом широко распространенные среди славянских, финских и тюркских народов лесостепной земледельческой полосы Восточной Европы, несомненно, глубоко аборигенны на территории СССР, а, если и заимствовались одними народами у других, то скорее в восточно-западном, а не в западно-восточном направлении. Корни их — в том же «скифском» в широком смысле слова этническом пласте, который вошел в состав и восточных славян и волго-камских финнов. Само название шушпан правильнее сопоставлять с тюркским чапан, а вовсе не с арабским джуббах. Наличие на одеждах этого типа прорезных рукавов (например, на удмуртских шōддэремах) также имеет очень интересные аналогии среди скифских костюмов⁵³. Не от скифов ли проникли подобные рукава и в Западную Европу?

Так одно за другим рассеваются, как дым, все построения Зеленина с роли западноевропейских мод в истории русского и финского народного костюма. Увлеченный сомнительной идеей о космополитическом движении мод, не связанным ни с какой определенной этнической группой, но будто бы постоянно распространявшимся с запада на восток, автор прошел мимо действительных исторически сложившихся культурных связей финских народов с русскими, проявляющихся, в частности, и во многих формах костюма. Связи эти многообразны и складывались в различные эпохи взаимодействия славян и финнов. Такие, общие восточным славянам и финнам, явления, как туникообразный покрой рубахи, простейшие формы несшитых поясных

⁴⁹ Там же, стр. 83.

⁵⁰ Н. И. Лебедева, Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки, М., 1927, стр. 77.

⁵¹ О культурных связях народов Волго-Камья с южными великоруссами см. статью С. П. Толстова, К проблеме аккультурации, «Этнография», 1930, № 1—2, стр. 63—87, а также книгу Б. А. Куфтина, Материальная культура русской мещеры, М., 1926.

⁵² В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении удмуртов, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 122.

⁵³ В. Н. Белицер, Указ. раб., стр. 113—114.

и наплечных одежд, некоторые типы головных уборов и т. д., несомненно восходят к глубокой древности и свидетельствуют о вхождении в состав и финских, и славянских народов близких этнических групп автохтонного населения Восточной Европы. С другой стороны, о позднейших мощных культурных влияниях русских на финнов говорят такие факты (совсем не упомянутые Зелениным), как распространение среди коми (особенно зырян), карел, вепсов, а частично и эстов (сетугезы) северновеликорусского комплекса одежды (рубаша с прямыми поликами, сарафан) или как глубокое проникновение в быт пермяков русских головных уборов типа кокошника и сороки, ставших у коми подлинно народными.

5

Большой интерес для вопросов происхождения финноугорских народов представляет уже упоминавшаяся статья А. Я. Брюсова «Заселение Севера Европейской части СССР по археологическим данным»⁵⁴. Статья эта, тематически тесно связанная с капитальным трудом того же автора о древней Карелии⁵⁵, в значительной степени основана на оригинальных, частично еще не опубликованных материалах, позволяющих по-новому осветить процесс постепенного освоения человеком лесного и тундрового севера Восточной Европы и развития здесь различных неолитических культур, носители которых должны рассматриваться как непосредственные предки финноугорских племен, формировавшихся, вероятно, на той же территории в первом тысячелетии н. э.

Если оставить в стороне вопрос о так называемом «арктическом палеолите», к которому А. Я. Брюсов относится слишком уже скептически, то по новейшим археологическим данным можно предполагать, что «заселение севера, т. е. территории современной Карело-Финской ССР и западных частей Вологодской и Архангельской областей, происходило с юга, из окской долины. Время этого заселения определяется по датировке наиболее ранних северных стоянок третьим тысячелетием до нашей эры»⁵⁶. В дальнейшем на севере складываются по крайней мере три локальные неолитические культуры — карельская, каргопольская и беломорская. Сравнительный анализ характерных для этих культур предметов наводит на мысль, что кроме основного, южного, пути заселения севера существовало еще два дополнительных: западный (прибалтийский), имевший наибольшее значение для карельской культуры, и восточный (приуральский), связанный с областью распространения беломорской культуры⁵⁷.

С этими заманчивыми, хотя и гипотетическими, выводами А. Я. Брюсова интересно сопоставить антропологические данные о древнем и современном населении европейского севера, имеющие очень большое значение для проблем заселения этой части эйкумены. Последние работы советских антропологов (Бунака, Жирова, Дебеца, Зенкевича, Трофимовой, Чебоксарова) показывают, что в состав финноугорских народов вошли три группы антропологических типов: светлые европеоиды, связанные с Прибалтикой («балтийцы»), более темные европеоиды, проникавшие на север из Причерноморья («понтийцы»), и переходные европеоидно-монголоидные формы, сложившиеся в таежной полосе северо-западной Евразии в результате древнего смещения между большими расами — европейской и азиатской («уральцы»)⁵⁸. Нельзя ли в этих трех группах антропологических типов видеть отражение скрещенного происхождения финноугорских народов, сложившихся в процессе взаимодействия древних прибалтийских (венедских?), понгокаспийских (в широком смысле слова — «скифских») и, наконец, урало-сибирских племен? Позволю себе указать финноугроведам на такую возможность, как будто бы хорошо согласующуюся с археологическими, этнографическими и лингвистическими данными. Ведь западный (прибалтийский) племенной вклад может объяснить связи финноугорских языков с латтолитовскими, южный (понтийский) — с иранскими и яфетическими, восточный (уральский) — с самодийскими и дальше с «алтайскими» в широком смысле слова. Что касается до наиболее глубоких и постоянно обновлявшихся связей финноугров с восточными славянами, то истоки их надо искать в процессе консолидации самих славян из тех же венедско-балтийских и скифо-понтийских автохтонных племен Восточной Европы⁵⁹. Таковы мысли, которые возникают при сопоставлении интересных данных работы А. Я. Брюсова с конкретными материалами, содержащимися

⁵⁴ «Сов. финноугроведение», стр. 91—102.

⁵⁵ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, М., 1940.

⁵⁶ «Сов. финноугроведение», стр. 97.

⁵⁷ Там же, стр. 97 и 98.

⁵⁸ Литература по этнической антропологии финноугорских народов очень велика. Перечень основных работ см. в моей статье «Этногенез коми по данным антропологии», «Сов. этнография», 1946, № 2, стр. 51—30.

⁵⁹ Новейшие исследования Т. А. Трофимовой показали, что в состав восточнославянских племен в некотором количестве вошли и «уральские» (в антропологическом смысле) элементы (см. ее статью «Кривичи, вятичи и славянские племена Приднепровья по данным антропологии», помещенную в № 1 «Сов. этнографии» за 1946).

в остальных статьях «Советского финноугроведения», а также опубликованными в других трудах по изучению финноугорских народов.

Возвращаясь к рецензируемой статье, следует отметить, что всякого внимания заслуживает попытка автора перекинуть мост между человеческими фигурами карельских петроглифов и образами карельского эпоса в рунах Калевалы⁶⁰. Попытка эта очень важна для установления преемственности между неолитическим и более поздним, уже финским по языку, населением Карелии. Интересно также, что в Скандинавии наблюдаются аналогичные совпадения между древними наскальными изображениями и образами Эдды. «Два северных эпоса,— пишет А. Я. Брюсов,— содержат... некоторые яркие различия, и эти различия повторяются на петроглифах Карелии и Скандинавии». Можно вполне согласиться с автором, что это «факт знаменательный и много говорящий»⁶¹.

За работой Брюсса в «Советском финноугроведении» следует статья А. И. Попова с многообещающим заглавием «Топонимическое изучение Восточной Европы»⁶². Однако содержание этой статьи беднее ее заглавия. «Мы ограничимся,— подчеркивает сам автор,— на этот раз кратким сообщением о методах нашей работы в данной области, демонстрируя эти методы на финноугорских данных, т. е., иными словами, обращая внимание по преимуществу на наш европейский север и северо-восток»⁶³. Все же некоторые топонимические сопоставления А. И. Попова заслуживают внимания. Интересны, например, выводы «о существовании на Клязьме в древности каких-то финноугорских диалектов с наличием лексических элементов мордовского языка» (на основании анализа названий рек типа «Киржач—Кержач») ⁶⁴, о былом широком распространении ливов на территории Латвии и Псковской области (названия рек на «в и с а», имя города Пскова, восходящее к ливскому слову «piisk» — смола)⁶⁵, о необходимости пересмотра заключений финского лингвиста А. Каннисто о широком распространении в прошлом обских угров к западу от Урала⁶⁶, об образовании скрещенных коми-русских названий ручьев и речек типа Сенькашор, Иваншер, Романшер и т. д.⁶⁷. А. И. Попов очень увлекается своими сопоставлениями и буквально насыщает всю Восточную Европу финскими топонимическими элементами. Нам кажется, что здесь надо бы соблюдать несколько большую осторожность, взвешивая в каждом отдельном случае, имеем ли мы дело с действительными свидетельствами пребывания на данной территории уже сложившихся финноугров или же с отложениями глубокой древности, предшествовавшей формированию как финской, так и других современных языковых систем Восточной Европы.

6

Работой Попова мы позволим себе закончить детальное рассмотрение отдельных статей, помещенных в сборнике «Советское финноугроведение». О других опубликованных в этом сборнике докладах упомянем кратко: они в большинстве случаев носят специальный узко лингвистический характер или же касаются лишь отдельных финноугорских народов, затрагивая те или иные частные вопросы их истории.

Несколько сообщений на Финноугорской конференции было посвящено лингвистическому изучению карельского и финского (в узком смысле слова) народов. Из этих сообщений наибольший интерес представляют три тематически тесно связанных доклада Д. В. Бубриха «О двух этнических элементах в составе карельского народа», «Из этнонимики Карелии» и «Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах»⁶⁸. Тщательный и очень убедительный анализ распространенных среди карел этнических самоназваний, а также наименований для соседних групп населения (северных и южных) позволил Д. В. Бубриху выделить в Карелии семь характерных этнонимических областей: ливвиковскую (юго-западную), лудиковскую (юго-восточную) и пять собственно карельских⁶⁹. «Название каряла в среде карел является самоназванием только так называемых собственно-карел, т. е. карел средней и северной Карелии и Калининской области (с соседними местами). Карелы Южной Карелии себя так не называют. Они называют себя «людьми» — л'и'йди или л'и'йги в Приладожье и прилегающих местах, л'ууд'и в Прионежье. Точно так же называют себя вепсы — л'ууд', л'уд'⁷⁰. В прошлом южным карелам — ливвикам и лудикам был, повидимому, в качестве самоназвания известен также этноним «вэпса»⁷¹. Собственно карельская речь резко противостоит ливвиковской и лудиковской, причем последняя ближе к вепскому языку, чем к собственно-карельской

⁶⁰ «Сов. финноугроведение», стр. 100—101.

⁶¹ Там же, стр. 102.

⁶² Там же, стр. 103—113.

⁶³ Там же, стр. 103.

⁶⁴ Там же, стр. 104.

⁶⁵ Там же, стр. 106—107.

⁶⁶ Там же, стр. 110—111.

⁶⁷ Там же, стр. 112.

⁶⁸ «Сов. финноугроведение», стр. 114—122, 123—128, 129—159.

⁶⁹ Там же, стр. 123, карта на стр. 125.

⁷⁰ Там же, стр. 116.

⁷¹ Там же, стр. 116.

речи⁷². Таким образом мы подходим к чрезвычайно важному выводу о скрещенном происхождении карельского народа, о его формировании из двух этнических элементов — собственно карельского и вепского. «Ливики и людики это (в основе) весь. Они распространились по средней и северной Карелии... из местобитания корелы на Карельском перешейке»⁷³.

Выводы Д. В. Бубриха, сделанные на основании лингвистических данных, хорошо согласуются с материалами других исторических дисциплин, в частности этнической антропологии. Анализ материалов, собранных Д. А. Золотаревым⁷⁴, позволяет Г. Ф. Дебелу еще в 1933 г. выделить в составе карел два основных антропологических компонента: северный — более высокорослый, относительно длинноголовый и несколько более темный и южный — низкорослый, умеренно брахикефальный и очень светлый⁷⁵. Последний компонент, обозначаемый в антропологической литературе как «восточно-балтийский», характерен также для вепсов⁷⁶. Очень вероятно, что в процессе формирования антропологического состава карел отразилось их происхождение из двух племенных групп, намеченных Д. В. Бубрихом: северо-западной — собственно-карельской и юго-восточной, связанной с древней весью и современными вепсами. Не исключена возможность вхождения в состав карел и саамских (лопарских) элементов. Антропологически они связываются с так называемым «лапоноидным» типом — низкорослым, относительно темным и короткоголовым, локализованным в Карелии, главным образом, в Тихтозерско-Вокнаволоцкой группе⁷⁷. Этнонимически саамский вклад заманчиво связать с самоназванием «лап-пи», известным, по данным Д. В. Бубриха, во многих районах северной и средней Карелии⁷⁸.

Из группы «карело-финских» статей рецензируемого сборника заслуживает внимания также небольшая работа В. Я. Евсеева «Эпоним венецов в карело-финских рунах»⁷⁹. В этой работе автор предпринимает интересную, хотя и гипотетическую, попытку связать имя главного героя Калевалы — вешего Вейчмейнена — с древним этнонимом венецов Прибалтики, которые могли давно уже достигать территории, занятой финнами⁸⁰. Если заключения В. Я. Евсеева подтвердятся дальнейшими исследованиями, то можно будет поставить вопрос о вхождении в состав прибалтийских финнов венецовского этнического пласта, общего с северо-западной группой восточно-славянских племен, в особенности с ильменскими словенами и кривичами.

Нарядом Волго-Камья (включая коми) в первом выпуске «Советского финноугроведения» посвящено шесть статей, в большинстве специально лингвистических. Для историков и этнографов наибольший интерес представляет работа А. И. Попова «Буртасы и мордва», в которой он, полемизируя со многими старыми авторами и с В. В. Гольмстен⁸¹, отрицает тождество «буртасов» с мордвой (в частности с мокшей) и приходит к выводу о том, что буртасы — это особая племенная группа, связанная «и с Кавказом или восточной частью южнорусских степей, и с южной частью лесной полосы»⁸². Серьезным аргументом в пользу построений Попова является тот факт, что «как в первой, так и во второй половине XVII в. в актах русского происхождения упоминаются рядом наименования: мордва, мокша, буртасы, татары, чуваша и т. п., причем их не смешивают»⁸³. Заслуживают внимания и сопоставления этнонима «буртас» с древними и современными названиями кавказских народов, в частности с аварским наименованием чеченцев «бурт» или «буртици» и с известным термином «асы» (осетины), который, может быть, аналогичен второй части имени «буртас»⁸⁴. Свои выводы А. И. Попов мог бы подкрепить использованием сопоставлений акад. Н. Я. Марра, который считал этноним «буртас» разновидностью этнонима «булгаф» и возводил оба термина к двухэлементному скрещенному наименованию типа «сар-мат» (с перестановкой обоих элементов)⁸⁵.

Две статьи в рецензируемом сборнике посвящены происхождению и развитию средневековой пермской (коми) письменности, алфавит которой был составлен в конце XIV в. Стефаном Пермским. В. И. Лыткин считает, что, создавая азбуку коми, Стефан использовал начертания греческого алфавита XIII—XIV вв., наиболее отда-

⁷² Там же, стр. 117.

⁷³ Там же, стр. 159.

⁷⁴ Д. А. Золотарев, Карелы СССР, Л., 1930.

⁷⁵ Г. Ф. Дебел, «Неприветливые» и «радушные», «Антропол. журнал», 1933, № 1—2, стр. 234—237.

⁷⁶ Г. Ф. Дебел, Вепсы, «Ученые записки МГУ», вып. 63, 1941, стр. 139—174.

⁷⁷ Г. Ф. Дебел, «Неприветливые...», стр. 237.

⁷⁸ «Сов. финноугроведение», стр. 126.

⁷⁹ Там же, стр. 175—181.

⁸⁰ Там же, стр. 178.

⁸¹ В. В. Гольмстен, Буртасы, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XIII, 1946, стр. 17—25.

⁸² «Сов. финноугроведение», стр. 210.

⁸³ Там же, стр. 203.

⁸⁴ «Сов. финноугроведение», стр. 209.

⁸⁵ Н. Я. Марр, Чуваша-афетиды на Волге, Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 364.

ленные от соответствующих славянорусских букв, русские же буквы (например «ж»), если и использовал, то видоизменял их до неузнаваемости⁸⁶. А. А. Сидоров, напротив, утверждает, что «в основе начертаний пермских букв лежат начертания славянских букв, главным образом, уставного и, отчасти, полууставного письма». Полная несогласованность обеих точек зрения свидетельствует об их спорности и о слабой разработанности вопросов, связанных с историей стефаковского письма. Концепция Сидорова⁸⁷ все же представляется более близкой к истине уже по чисто историческим соображениям. Интересны также догадки этого автора о диалектологических особенностях языка памятников пермской письменности, обнаруживающего ряд специфических черт сходства с современными северными диалектами коми (и в первую очередь с удорским)⁸⁸. Археологические и исторические данные заставляют предполагать, что именно Удора была первоначальным экономическим и культурным центром северной (пермской) группы племен коми⁸⁹.

Первый выпуск «Советского финноугроведения» заканчивается четырьмя статьями, посвященными обским уграм и ненцам. Две из этих статей (А. Н. Баладжина и Н. М. Терещенко) специально лингвистические, две другие (С. В. Бахрушина и А. И. Мурзиной) написаны историками⁹⁰. Содержательный доклад С. В. Бахрушина представляет собой краткое изложение его концепции социального развития хантов и манси, подробно развернутой в капитальном труде «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.»⁹¹. Как и в этой книге, С. В. Бахрушин в своем выступлении на Финноугорской конференции подчеркивает феодализацию обскоугорского общества в дорусский период. Для XV—XVI вв., быть может, правильнее было бы говорить не о «югорских княжествах» и их многочисленных «князьях»⁹², а о племенных объединениях периода военной демократии, которые русские источники обозначают как отдельные «княжества». Работа А. И. Мурзиной содержит немало спорных положений (например, о резкой обособленности хантов и манси в начале XIX в., о границах вогульских поселений к западу от Урала, о характере классового расслоения среди обских угров после их соприкосновения с русскими, о родовой и племенной структуре ненцев и др.)⁹³. Однако самая тема работы очень интересна, собранный же автором конкретный материал (в особенности архивный) помогает по новому осветить одну из наиболее «темных» страниц истории народов северо-западной Сибири — развитие их социального строя в XIX в.

Оценивая рецензируемый сборник в целом, необходимо констатировать, что его главное положительное научное значение — в конкретно-исторических и конкретно-лингвистических работах, особенно в статьях, посвященных отдельным финноугорским народам и их языкам. Слабые стороны сборника связаны преимущественно с теоретическими и обобщающими («установочными») статьями, которые нередко страдают социологическим схематизмом и абстрактностью, а в отдельных случаях и полным отрывом от реальной исторической действительности. Надо надеяться, что в дальнейших выпусках «Советского финноугроведения» эти крупные дефекты будут исправлены. Мы ждем от филологов-финноугроведов высоко принципиальных, боевых работ, которые не смогут разобратся с позиций советской науки в сложных вопросах происхождения и дальнейшего исторического развития финноугорских народов.

И. Н. Чебоксаров

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Проф. Я. Я. Рогинский, *Новые теории происхождения человека*. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории общества в Москве, 1948.

Лекция Я. Я. Рогинского представляет собой первый опыт изложения в популярной форме основных теоретических вопросов сложной проблемы антропогенеза. Существующая популярная литература по проблеме происхождения человека уделяет,

⁸⁶ В. И. Лыткин, *Происхождение древнепермской азбуки*, «Сов. финноугроведение», I, стр. 233—239.

⁸⁷ А. С. Сидоров, *Коми письменность эпохи раннего феодализма*, там же, стр. 240—249.

⁸⁸ Там же, стр. 249.

⁸⁹ См. например, у А. А. Спицына, *Древности Севера*, Тотъ-ма, 1926, стр. 17.

⁹⁰ См. выше, прим. 7.

⁹¹ Л.; 1936.

⁹² «Сов. финноугроведение», стр. 259.

⁹³ Там же, стр. 288—300.